

Д. В. Долгушин

Новосибирский государственный университет

**«Педагогическая поэма» В. А. Жуковского
(по неизданным материалам)***

Предпринята попытка реконструировать и проанализировать педагогический проект Жуковского конца 1840-х – начала 1850-х гг., который сам поэт называл своей «педагогической поэмой». Устанавливается, что проект этот основывался на учебно-методических разработках Жуковского 1820-х – 1830-х гг.; предназначался для домашнего первоначального обучения детей Жуковского и детей наследника престола, но в перспективе адресовался более широкой аудитории; замысел проекта возник в 1845 г., а основная работа над ним пришлась на 1851–1852 гг.; методологической основой проекта была система Песталотти, актуализированная в 1840-х гг. Дистервегом; основополагающими принципами – доступность и наглядность. «Педагогическая поэма» Жуковского состояла из трех разделов: арифметики, русского языка (Живописной азбуки) и Живописной Священной истории. На основе архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, в статье исследуются учебно-методические разработки Жуковского по каждому из этих разделов.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, романтизм, библеистика, Священная история, педагогика в России, Дистервег, Песталотти.

Последние два года своей жизни, когда прогрессирующая слепота и другие болезни все чаще напоминали В. А. Жуковскому о том, что надо «экономить временем», поэт посвятил педагогическим трудам, разрабатывая для своих детей учебные пособия, таблицы, карты и особую методику обучения. «Я теперь работаю много, но мои теперешние работы все ограничиваются педагогикою, то есть приготовлением к предварительному курсу детей моих; эта работа берет все мое время и не позволяет ни за что другое приняться», – сообщал поэт в письме

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Совместный конкурс научных проектов РГНФ – Императорское православное Палестинское общество (проект № 15-64-01001).

Долгушин Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия; d_dolgushin@mail.ru)

Н. В. Гоголю 1 (13) февраля 1851 г. [Гоголь, 2009, с. 396]. «Я теперь по горло погружился в мои педагогические труды», – писал он наследнику престола 1 (13) января 1851 г. [Киселев, 2017, с. 315–316]. На недоуменные вопросы друзей, почему он тратит немногие оставшиеся силы на «азбуку», а не на поэтическое творчество, Жуковский отвечал горячей апологией своих занятий, называя их «педагогической поэмой» [Плетнев, 1885, с. 82] и утверждая, что считает их «главной своей работой, предписываемой званием отца», имеющей для него «прелесть несказанную» [Уткинский сборник, 1904, с. 127]. Увлечение педагогическими трудами было столь велико, что даже на смертном одре Жуковский порывался рассказывать духовнику, «как учил детей своих по изобретенным им таблицам» [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999, с. 452]. Эти столь важные проекты первого русского романтика долгое время не попадали в поле зрения исследователей. Только в последние годы появились первые опыты их характеристики [Добровольская, 2005; Никонова, 2014], но пока только самого общего, обзорного толка. Главной целью настоящей статьи будет попытка их более подробной реконструкции и анализа.

Их замысел восходит к 1845 г., когда Жуковский вознамерился подготовить курс начального обучения для детей наследника престола великого князя Александра Николаевича. Об этом намерении он весьма подробно рассказывал цесаревичу в письме из Франкфурта-на-Майне 30 октября (12 ноября) 1845 г.:

...я желал бы предварительно, на-чисто, по моей, известной вам методе, обработать если не все, то хотя некоторые главные предметы (здесь и далее по статье выделения в источниках принадлежат авторам. – Д. Д.), долженствующие войти в состав этого первоначального курса и в то же время собрать лучшие детские учебные книги, которые могли бы служить пособием для того, кому будет поручено преподавание первоначальное [Жуковский, 1885, с. 500].

Но начавшаяся в 1846 г. болезнь жены и работа над переводом «Одиссеи» мешали осуществлению замысла. Жуковский вернулся к нему уже в 1850 г., когда жил в Бадене.

К этому времени достигла школьного возраста дочка поэта – десятилетняя Саша, и с 1850 г. Жуковский начал с ней систематические занятия¹. Теперь он рассматривал задуманный курс как адресованный прежде всего ей. В перспективе же Жуковский предназначал свои разработки для самого широкого использования: он хотел создать «полный курс домашнего, систематического учения», который бы «обнял все те предметы, которые дети могут и должны изучить дома, от самих родителей» [Плетнев, 1885, с. 132] и «обхватил систематически весь круг сведений, которые нужно иметь: мальчикам для вступления в гимназию, а девочкам для продолжения своего образования чтением и собственным занятием» [Уткинский сборник, 1904, с. 128].

Благодаря многолетней педагогической деятельности при дворе (сначала в качестве учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, а затем – в качестве инспектора классов наследника престола и других царских детей) Жуковский уже давно состоялся как педагог. При этом его специализацией была именно педагогика младшего школьного возраста, которая интересовала его

¹ Судя по «Журналам учения» (РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 21), которые Жуковский составлял для своей дочери в это время, зимой – весной 1851 г. он занимался с Сашей ежедневно, кроме воскресений, затем был сделан перерыв на лето, осенью занятия возобновились, но становились все менее регулярными. Весной 1852 г. Жуковский с дочерью почти не занимался – сказывалась болезнь глаз и общее ослабление организма, которое и привело поэта к кончине 12 апреля 1852 г.

всегда. Именно к ней было больше всего приложимо увлекавшее Жуковского учение Песталоцци. Именно ей был посвящен курс «учения предварительного», который Жуковский в «Плане учения Его Императорского Высочества, Государя великого князя наследника цесаревича Александра Николаевича»² закрепил за собой. Естественно, что наработанный опыт ему хотелось применить в собственной семье, одновременно обобщив и подытожив его.

Опыт этот между тем был неоднозначен. С одной стороны, Жуковскому удалось завоевать симпатии и уважение всех своих царственных учеников, которые единодушно с восторгом отзывались о нем как о человеке и как о поэте. С другой стороны – отзывы некоторых из них о Жуковском-педагоге довольно скептически. Императрица Александра Федоровна считала, что он был «слишком поэт, чтобы оказаться хорошим учителем» [Воспоминания императрицы..., 1896, с. 32], великая княгиня Ольга Николаевна – что «на его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания Наследника престола» и «в детях он ничего не понимал»³. Жуковский и сам думал, что опыт его преподавания в царском семействе был не совсем удачным – не потому, что избранная им методика оказалась неэффективной, а потому, что, будучи не до конца разработанной, она не была как следует понята и принята сотрудниками. Теперь, на закате жизни, он хотел предпринять новую, более успешную попытку ее реализации⁴. В черновом наброске предисловия к своему курсу, которое он написал в форме письма к наследнику престола, поэт рассуждал:

Моя метода не удалась для вас не от ее недостойности, а от того, что я должен был ее составлять в то время, когда надлежало ее приводить в действие. Ни один из наших учителей не вошел в мою мысль, ни один не смог отстать от своей рутины, а если бы и захотел, то только бы испортил то, к чему привык и не приобрел бы новые привычки. Но я теперь по опыту над моею дочерью <знаю>, что моя метода не только удобная для учащего и учимого: она образовательна, действует этим на ум, воображение и память: отстраняет все механическое, развивает деятельность умственную, дает много с меньшею утратою времени и помогает учащемуся самобытно присвоивать то, что ему преподается учителем.

Для этого нужно только то, чтобы учитель сам совершенно присвоил себе методу и ей строго повиновался, что однако совсем не повредило бы

² О методически парадоксальном уклоне разработанного Жуковским плана именно в область первоначального обучения писал еще П. Загарин (Л. Поливанов), который и сам был профессиональным педагогом, основателем и директором знаменитой поливановской гимназии см.: [Загарин, 1883, с. 405–410]. Подробнее об этом уклоне см.: [Долгушин, 2015б, с. 370–371].

³ *Ольга Николаевна*, вел. кн. Сон юности. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (дата обращения 05.04.2017).

⁴ Это была уже третья по счету попытка: первой можно считать преподавание наук наследнику престола, второй же стало обучение его младшего брата великого князя Константина Николаевича. Воспитатель Константина Ф. П. Литке вспоминал:

Преподавание наук великому князю началось по так называемому систематическому курсу изобретения В. А. Жуковского. Преподавал Гримм под руководством Жуковского. <...> Этот курс Жуковский составлял для государя наследника, но там он не успел приложить его на практике, и опыт этот был сделан только у нас, но и тут не мог быть приложен во всей строгости, как хотел Жуковский, а наконец и совсем остановлен.

Таблицы играют в нем главную роль и изображают не только факты и числа, но и отвлеченные идеи. Таблицы мы употребляли с пользой, как мнемоническое средство [Головнин, 2006, с. 24–25].

его собственной самобытности, только дало бы твердое направление ходу преподавания, не препятствуя преподавателю делать и свои зигзаги, которые дали бы более привлекательности преподаванию, не теряющему из виду главного направления⁵.

Целью домашнего курса, как пишет Жуковский в том же предисловии, является «приготовление молодого сердца к вере, приучение молодого ума к самобытной деятельности»⁶. Этим определялся набор дисциплин, в который должны были войти арифметика, чтение, письмо и Священная история. Общим методологическим принципом преподавания был заявлен принцип доступности – так, чтобы «переходя от близкого к далекому, от знакомого к незнакомому соединить все основные понятия, составляющие содержание»⁷. Подобный подход, впервые провозглашенный Я. А. Коменским в XVII в., к середине XIX в. успел уже стать педагогической классикой.

Приведенное выше определение, данное Жуковским, текстуально почти совпадает с формулировкой Ф. А. В. Дистервега в книге «Руководство к образованию немецких учителей»: «Переходи от близкого к далекому, от простого к сложному, от более легкого к более трудному, от известного к неизвестному!» [Дистервег, 1956, с. 153]. Книга Дистервега, вышедшая в Эссене в 1850 г. (т. е. как раз в разгар педагогических увлечений Жуковского), должна была быть ему известна⁸. Хотя Дистервег придерживался неприемлемых для Жуковского либеральных взглядов

⁵ Жуковский В. А. Мысли о преподавании, о грамматике, материалы для Живописной Священной истории // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 128. Л. 1 об. – 2 об.

Более подробно Жуковский писал об этом в упомянутом выше письме цесаревичу 30 октября (12 ноября) 1845 г.:

Я начал обрабатывать свою методу (и это не могло идти скоро) в такое время, когда уже все учителя были на сцене со своими собственными рутинными; им невозможно было отделаться от старых собственных привычек для приобретения новых, им чуждых; да и времени на то не доставало: учение шло вперед своим чередом, за ним тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами, и таким образом не могло установиться одного общего хода, которым бы все части преподавания приведены были в одно стройное целое. Я работал прилежно, но работал с печальной мыслью, что труд мой напрасен. Так по большей части и вышло. Для некоторых мои таблицы были полезны, некоторые не захотели на них обратить внимания (чего я от них не мог потребовать, опасаясь их сбить с собственной их дороги); некоторые хотя и хотели, но не умели воспользоваться предложенным пособием, и им надлежало от него отказаться. Все это произошло от того, что материалы преподавания не были подготовлены заранее и что преподаватели не могли с ними предварительно ознакомиться и их себе присвоить [Жуковский, 1885, с. 501–502].

Несомненно, что это письмо и рукопись «Мысли о преподавании...» связаны текстуально. Можно было бы подумать, что в этом хранящемся в архиве РНБ автографе Жуковского (Л. 1–2 об.) перед нами – наброски не предисловия, а данного письма. Но такому предположению мешает как содержание (упоминание о занятиях Жуковского с дочерью, которые не могли иметь место в 1845 г., когда ей было всего три года), так и внешний вид рукописи. Она написана карандашом, на листах большого формата с помощью особой, изобретенной на случай слепоты машинки для письма. Так Жуковский писал в 1851–1852 гг. во время болезни глаз. Скорее всего, наброски следует датировать 1851 г.

⁶ Жуковский В. А. Мысли о преподавании... Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ В библиотеке поэта она отсутствует, но там есть две других книги Дистервега – его учебные пособия для детей, одно из которых, правда, осталось неразрезанным [Лобанов, 1981, с. 136]. Подробнее о влиянии на Жуковского немецкой педагогики его времени и особенно таких последователей Песталоцци, как И. Рамзауер, В. И. Г. Куртман, Ф. Ф. Вильмзен, см. в статье Н. Е. Никоновой [2014].

и был политическим противником друга Жуковского прусского короля Фридриха Вильгельма IV, в педагогике он являлся одним из самых последовательных продолжателей традиций Песталоцци и в этом отношении был единомышленником поэта. С еще большей горячностью, чем Песталоцци, Дистервег настаивал, что «всякое обучение должно быть *наглядно, наглядно!*» [Дистервег, 1956, с. 151]. Именно в наглядности и в ориентации на эвристическую самостоятельность ребенка (то, что Дистервег называл самодеятельностью⁹) видел основное достоинство своей методики и Жуковский.

«По той методе, которую я себе составил, мое милое дитя учится не только прилежно, но и весело», – с удовлетворением сообщал он в письме П. А. Плетневу [Плетнев, 1885, с. 132]. В другом письме тому же адресату поэт рассказывал, что его педагогическая работа идет

так удачно, что моя малютка ни разу еще не чувствовала скуки и что для нее часы ученья всегда были приятны; тайна, дарующая им эту приятность, заключается в том, что она, то есть моя ученица, не сидит праздно с разинутым ртом, в который жаренные перепелки, совсем пережеванные, сами влетают; а в том, что она сама работает умом своим, сама ходит на охоту за этими перепелками и ходит по дороге, окруженной привлекательными видами, которые делают и самую дорогу для нее приятною, не избавляя однако ее и от труда идти своими ногами [Там же, с. 648].

Таким образом, можно считать твердо установленными фактами, что педагогический проект Жуковского 1845–1852 гг., который он называл «педагогической поэмой», основывался на его учебно-методических разработках 1820-х – 1830-х гг.; непосредственно этот проект был предназначен для домашнего первоначального обучения детей Жуковского и детей наследника престола, но в перспективе адресовался более широкой аудитории; замысел проекта возник в 1845 г., а основная работа над ним пришлось на 1851–1852 гг.; методологической основой проекта была система Песталоцци, актуализированная в 1840-х гг. Дистервегом и другими последователями швейцарского педагога; основополагающими методическими принципами – принципы доступности и наглядности. Выяснив таким образом общие черты «педагогической поэмы», перейдем к конкретике и рассмотрим, как замыслы Жуковского были реализованы в учебно-методических разработках 1840-х – 1850-х гг., относящихся к трем основным разделам курса первоначального обучения – арифметике, русскому языку и Священной истории.

Наглядная арифметика

Здесь, как и в других разделах своего курса, Жуковский стремился реализовать императив Песталоцци и Дистервега: *«исходи из чувственно воспринимаемого и переходи от него к понятиям. Иди от единичного к общему, от конкретного к абстрактному, а не наоборот!»* [Дистервег, 1956, с. 150]. Чтобы дать понятие о дробях и целых числах, Жуковский готовит специальную таблицу, в которой изображает их наглядным образом в виде квадратиков. Один квадратик соответствует единице, два – двойке, три – тройке и т. д.; симметрично расположены пропорционально увеличенные квадраты для обозначения $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$

⁹ «Основной принцип новой школы гласит: *Самодеятельность посредством чувственного познания и на основании последнего*», – писал он [Дистервег, 1956, с. 152]. Ср. это высказывание Дистервега с приведенным выше утверждением Жуковского, что цель курса первоначального обучения должна состоять в «приучении молодого ума к самобытной деятельности».

и т. д.¹⁰ Внизу под этой таблицей Жуковский размещает еще одну, в которой рисует сначала планиметрические и стереометрические фигуры, а затем – предметы, животных, людей. На обороте того же картона, видимо, в целях еще более наглядного объяснения соотношений части и целого, единицы и множества, поэт изобразил сначала части дерева (плод, ветви, листья, корни), затем одиночное дерево, затем – деревья, высаженные в линию, затем – рощу деревьев. Сбоку от рисунков их содержание представлено в виде схем, опять-таки с помощью квадратов (одиночное дерево – один квадрат, линия деревьев – десять квадратов, расположенных горизонтально, роща – десять квадратов, расположенных вертикально)¹¹. Видимо, все это предназначалось для выработки у детей абстрактного мышления.

Тому же должны были способствовать и материалы, расположенные на третьем картоне, – здесь Жуковский поместил план своего дома во Франкфурте-на-Майне, сориентированный по сторонам света, очень подробный – на нем показано даже как расставлена мебель в комнатах¹². На обороте картона он нарисовал карту Рейна и приклеил печатную карту Франкфурта-на-Майне с обозначением района Саксенхаузен, в котором жили Жуковские в 1844–1848 гг. Здесь же помещен план еще одного дома – очевидно того, в котором семья поэта проживала в Дюссельдорфе в 1841–1844 гг.¹³ На этом плане проставлена дата 30 октября (11 ноября) 1842 г. – день рождения дочери Жуковского Александры.

Таким образом, опираясь на конкретные представления дочери – деревья, предметы, домашних животных, дом, где она живет, Жуковский хотел способствовать формированию у нее понятий о явлениях, отсутствующих в непосредственном восприятии (Франкфурт, Рейн, дом, в котором Саша родилась, но которого, конечно, не помнила), а также абстрактных, «схематических» понятий арифметики и геометрии¹⁴. Среди картонов этой единицы хранения имеется также картон с таблицей, сделанной для объяснения порядков числа (сотня, тысяча, миллион, миллиард, квинтиллион)¹⁵.

Все эти картоны, скорее всего, были разработаны Жуковским еще до переезда в Баден-Баден, т. е. в 1845–1848 гг. Вероятно, они должны были служить пособием при обучении по методике И. Рамзауера¹⁶, изложенной в его книге «Любовь в воспитании и образовании» [Ramsauer, 1846]. Как показала Н. Е. Никонова, книга эта была внимательно прочитана Жуковским. Картоны соответствуют второй, «практической» части этого труда, состоящей из обучающих, сгруппированных по темам вопросов [Ibid., S. 109–141]. На задней книжке переплета книги Рамзауера Жуковский набросал план занятий, совпадающий с тематикой описанных выше таблиц (в плане есть разделы о человеке, домашних животных, деревьях, частях дома и т. п. [Никонова, 2014, с. 115]).

¹⁰ Жуковский В. А. Таблицы (13) для практического курса первоначального обучения // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 132-а. Л. 2. Все материалы из этой единицы хранения расклеены на больших картонах формата 36,8 x 23,9 см.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 3. Ср. замечание Дистервега: «При естественном развитии ребенок всегда переходит от колыбели и детской к знанию дома, жилья, окрестностей и т. д., пока, наконец, человек не охватит всю вселенную» [Дистервег, 1956, с. 153].

¹³ Там же. Л. 3 об.

¹⁴ О переходе от непосредственных восприятий к абстрактным понятиям как результате «развивающего обучения» подробно трактует Дистервег в «Руководстве для немецких учителей» [Дистервег, 1956, с. 154–155].

¹⁵ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁶ Иоганн Рамзауер (1795–1874) – немецкий педагог, ученик Песталоцци.

Чтение и письмо. Живописная азбука

Той же стратегии движения от конкретного к абстрактному Жуковский придерживался и при преподавании русского языка (чтения и письма). В черновых набросках, сделанных в 1851 г., он намечает логику своего курса следующим образом:

предмет = понятие = слово. Составные части предмета = сост.<авные> части поняти<я> = с. <оставные> ч.<асти> слова. Слово произнесенное = соединение звуков. Слово писанное = соединение букв, воображающих звуки¹⁷.

Реализовать эту логику Жуковский постарался в составленных им таблицах.

В одной из них, помещенной на картоне формата 48 x 60 см, Жуковский приводит образцы написания русских прописных и строчных букв, правописание окончаний, а по периметру картона размещает русскую азбуку в картинках. Буква А в ней несколько неожиданно иллюстрируется словом «ад» (нарисован вход в Аид с Цербером), буква Э иллюстрируется рисунком Эвы (Евы) у дерева, протягивающей запретный плод Адаму; другие буквы иллюстрируются более привычными словами: Бой, Жук (заметим, это одно из прозвищ Жуковского), Царь, Сад, Тень, Холм и т. д.¹⁸ На другом картоне этой же единицы хранения приведена подробная грамматическая таблица русского языка, а на его обороте – примеры составления слов с помощью приставок (Жуковский называет их «слоги предыдущие») и суффиксов (Жуковский называет их окончаниями), при этом слова сгруппированы по тематике¹⁹, например:

Состояніе

Раб – ь – ыня, Горож – анинь – анка, Бо – яринь – ярыня, Крест – янинь – янка, Ц – арь – арица, Кня – зь – гиня, Куп – ець – чиха

Принадлежность

Отече – скій, Раб – ій, Отц – евь, Император – овь, Братн – инь

Мѣсто

Дерев – ня, Пусты – ня, Пряд – ильня, Жил – ище

Отвлеченное понятіе

Вла – сть, Крас – ота, Нов – изна, Раб – ство²⁰

и т. д. Любопытен подбор примеров в разделе «Фамилия»: «Роман – овь – ова, Писар – евь – ева, Дмитр – іевь – іева, Карамз – инь – ина, Перов – скій – ская». Судя по этому подбору, перед нами таблицы, которые Жуковский использовал еще в 1820-х гг., возможно даже при преподавании русского языка будущей императрице Александре Федоровне. К этому же или несколько более позднему периоду относится и немецкая азбука в картинках²¹. Она выполнена на картоне того же формата, что и русская грамматика – 48 x 60 см. С одной стороны картона помещены немецкие прописи, с другой – готический алфавит в картинках²².

¹⁷ Жуковский В. А. Мысли о преподавании... Л. 3.

¹⁸ Жуковский В. А. Таблица по русской грамматике // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 129-1. Л. 4-4 об.

¹⁹ Там же. Л. 1-2 об.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ Жуковский В. А. Немецкий алфавит с картинками // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 192-2. Л. 1-1 об.

²² Может быть, именно их использовал учитель немецкого языка Оёртль, о котором великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала, что «многому учил он нас по цветным картинкам» (Ольга Николаевна, вел. кн. Сон юности).

a	а 1	a
	э 2	
	ы 3	
o	о 4	o
u	у 5	ou
	ь ъ 6	
b	б 7	b
p	п 8	p
v	в 9	v
v f ph	ф θ 10	f
m	м 11	m
n	н 12	n
l	л 13	l
r	р 14	r
d	д 15	d
t	т 16	t
ä	я 17	
e	е ѐ 18	e
i j	и і 19	i y
ö	ё 20	e
ü	ю 21	u
	й 22	
ß	с 23	c, s
s	з 24	z
z	ц 25	ç
sh	ж 26	j, g
	ч 27	
sch	ш 28	ch
	щ 29	
g	г 30	g
k	к 31	k
ch	х 32	h

Рис. 1. Таблица цифровых и буквенных соответствий, используемых В. А. Жуковским
Fig. 1. The table of letters and numbers matchings which were used by Zhukovsky

Хотя Жуковский мог использовать эти хранившиеся у него материалы 1820–1830-х гг. для преподавания русского и немецкого языков своей дочери, гораздо больший интерес в связи с нашей темой представляют разработки, выполненные им непосредственно в 1850–1851 гг. Это 15 таблиц начального курса русского языка²³, о которых Жуковский рассказывал в письме А. П. Зонтаг: «...я составил особенного рода живописную азбуку, для которой сам нарисовал около 500 фигур, которая в одно время легким образом выучивает читать и писать и удерживать в памяти выученное» [Уткинский сборник, 1904, с. 127–128].

Таблицы представляют собой картоны 41 x 26 см. В их крайних колонках с правой и левой стороны заданы числовые значения букв русского, немецкого и французского алфавитов. Буквы сгруппированы так, чтобы сходные по звучанию звуки этих языков соответствовали одним и тем же цифрам (рис. 1)²⁴.

Посередине картона помещена основная часть таблицы, состоящая из сорока ячеек 5 x 8 см. В каждой из них рукой Жуковского сделан рисунок карандашом (3 x 3,5 см) (в таблицах 13, 14 и 15 некоторые рисунки цветные). С каждой из четырех сторон ячейки рисунок зашифрован с помощью цифр по-русски, по-немецки, по-французски и по-латински²⁵. Например, на первом картоне вокруг рисунка двух сражающихся на мечах воинов слово «бой» зашифровано цифрами таким образом, как показано на рис. 2,а. Если подставить вместо цифр их буквенные значения в соответствии с таблицей (см. рис. 1), то получится слово «бой», написанное на русском, немецком, французском и латинском языках (рис. 2,б).

Как видим, эта система не позволяла точно передать правописание, но, несомненно, способствовала заучиванию слов и знакомству с азбукой. Причем главной целью было знакомство с русской азбукой – немецкая и французская выступали как подспорье: эти языки были разговорными в семье Жуковских и Саша их уже знала. Русский же ей только предстояло выучить. Поэт надеялся, что живописная азбука ей в этом поможет.

В основном рисунки живописной азбуки чисто иллюстративны, но некоторые из них аллегоричны. Так, на четвертом картоне слово «гора» Жуковский изображает в духе К. Д. Фридриха (с которым он был лично знаком и живописью которого увлекался²⁶): скала с возвышающимся на ее вершине крестом. Изображение слова «земля» также напоминает о Фридрихе: нарисован холмик вырытой земли и воткнутая в него лопата с ручкой, как на известной картине Фридриха «Кладбище под снегом» (1827). Фридриховской атмосферой проникнут и рисунок, изображающий слово «каскад»: водопад в скалах, поросших елями. Характерный для Фридриха прием использован в рисунке, иллюстрирующем слово «костер»: стоящие и сидящие вокруг него пастухи даны со спины. Слово «пролив» изображено парусником, проплывающим между скал, на вершине которого виднеется крест. Само слово «крест» тоже изображено по-фридриховски: нарисован крест на скале у горной дороги.

²³ Жуковский В. А. Таблицы для практического курса первоначального обучения // Ф. 286. Оп. 1. № 1326. Описание этих таблиц делает в своей статье Е. Б. Добровольская [2005, с. 193]. Таблицы датируются 1850 г.: на втором картоне рукой Жуковского сделана надпись: «кончано 1850 10 апреля / 28 марта». Заметим, что написание «кончано» обычно для Жуковского в 1840-е гг. Ср. его надпись на автографе перевода Нового Завета (Новый Завет / Пер. В. А. Жуковского. The New York Public Library. Slav. Reserve 07–263 С. 166 первой пагинации).

²⁴ Жуковский В. А. Таблицы для практического курса первоначального обучения. Л. 1.

²⁵ А не по-английски, как ошибочно указывается в статье [Добровольская, 2005, с. 193].

²⁶ Картины Фридриха висели у Жуковского в кабинете. Поэт способствовал тому, чтобы работы немецкого художника закупались и для Эрмитажа. Об отношениях В. А. Жуковского и К. Д. Фридриха см.: [Дмитриева, 1987; Нечаева, 2003; Иванова, 2010].

		<i>a</i>				
	7	4	22			31
31						4
1						11
11						7
8						1
10						16
	8	5	30	12	1	

		<i>б</i>				
	б	о	й			к
к						о
а						м
м						б
р						а
ф						т
	р	оу	г	н	а	

Рис. 2. Карточка, составленная для слова «бой»:
a – слово, зашифрованное В. А. Жуковским с помощью цифр,
б – расшифровка слова «бой»

Fig. 2. The card made for word «the battle»:
a – the word encrypted with the help of numbers,
b – the decryption of the word «the battle»

Большая часть картонов организована тематически: на картоне 8 собраны слова, обозначающие одежду, на 9-м – посуду, на 10-м – еду, на 11-м – повозки и сельские орудия труда, на 12-м – сельскохозяйственные работы, на 13-м – средства передвижения, времена суток (изображены олицетворениями), дни недели и времена года, на 14-м – месяцы и отвлеченные понятия. Изображение отвлеченных понятий было по понятным причинам наиболее трудной задачей. Слово «время» Жуковский изображает аллегорически, в духе барочной эмблематики, – двуликим Янусом, на голове у которого стоят песочные часы с крыльями. Эта аллегория, достаточно распространенная в XVIII–XIX вв.²⁷, очевидно, была памятна Жуковскому еще с 1814 г., когда она была использована на празднике в честь встречи нового года в Муратово [В. А. Жуковский в воспоминаниях..., 1999, с. 145]. Слово «век» изображено квадратом, разбитым на сто клеточек; слово «жизнь» – могилой с крестом, на которой стоит колыбель; слово «ребячество» – ребенком, над которым простирает свои руки ангел; слово «молодость» – морем, радугой, а на первом плане – стоящим якорем, на котором на одной ноге балансирует человек в тунике; «Мужество» – рыцарем с мечом. В изображении слова «старость» особенно чувствуется личные переживания Жуковского: по морю к берегу плывет лодка. В лодке старик, простирающий

²⁷ В ренессансном и барочном искусстве песочные часы с крыльями были частью комплекса изображений *vanitas* с его мотивами бренности, смертности и скоротечности [Морозов, 1974, с. 193–194]. Зачастую они использовались в качестве одного из атрибутов олицетворения времени – Кроноса, или Сатурна, – полюбившего старика, обычно крылатого, держащего костьль и косу [Холл, 1996, с. 410]. Иногда (например, на русской гравюре XVIII в. «Двенадцать заповедей») часы изображались стоящими у него на голове [Сазонова, 2006, с. 325]. Ср. у С. С. Боброва: «Но бог пернатый снова ставит / На темы лысое часы; / С угрюмой скромностью правит / Блестяще лезвие косы» [Бобров, 2008, с. 315]. Жуковский рисует часы стоящими на голове у Януса – другого мифологического персонажа, также считавшегося в барочной эмблематике олицетворением времени.

к берегу руки, на носу лодки укреплен флаг с изображением креста. На берегу – маяк, над маяком – заходящее (или восходящее?) солнце.

Живописная азбука – одна из лучших, тщательно продуманных и великолепно оформленных методических разработок Жуковского. Игровая эвристическая форма, запоминающиеся визуальные образы, самостоятельная деятельность при расшифровке цифровых значений – все это должно было увлекать ребенка и обеспечивать успешный ход учебного процесса.

Живописная Священная история

Одной из целей своего курса, как уже говорилось выше, Жуковский считал «приготовление молодого сердца к вере». Религиозному воспитанию он придавал чрезвычайно важное значение и полагал, что оно должно начинаться как можно раньше и при этом как можно дальше отстоять от любого рода отвлеченности и схоластики. Рассказывая А. П. Зонтаг о своих занятиях с детьми, он писал 30 октября (12 ноября) 1850 г.:

В христианском образовании не надобно терять времени. И здесь должно крайне беречься всякого педантического наставления. Но святыя повести Библии принадлежат младенчеству, они должны слиться с нашей душою в весне ее жизни, когда она так восприимчива. Говорю об одних повестях библейских, об одних чистых фактах, составляющих материальный фундамент христианства; о фактах без всякого нравственного толкования, которое в них само собою заключается, как запах в цветах. – Это занятие у нас принадлежит воскресенью. Жена рассказывает, а на другой день я повторяю рассказанное. Экзаменуя, показываю картинки, принадлежащие к рассказанному накануне, и указываю, что нужно, на карте: таким образом с ходом священных событий развивается сама собою и география: мы знаем теперь те места на земле, где был рай, где был Арарат, откуда развились народы, где прежде и ныне жил Авраам, и теперь вместе с облаком и пламенным столпом путешествуем по пустыне [Уткинский сборник, 1904, с. 128].

Как видим, и в преподавании Священной истории Жуковский руководствовался принципом наглядности. По его собственным словам, она достигалась, во-первых, за счет образности самого рассказа о библейских событиях, во-вторых, за счет иллюстраций, в-третьих, за счет географических карт. Что касается иллюстраций, то ими, очевидно, служили гравюры из роскошного издания Ветхого Завета на французском языке, имевшегося в библиотеке Жуковского [La Bible, 1834–1836] (см.: [Лобанов, 1981, с. 101]). В оглавлении этого издания рукой поэта отмечена 51 гравюра, которые он, скорее всего, и использовал в своих занятиях с дочерью.

Что касается карт, то они были подготовлены самим Жуковским и сохранились на картонах, находящихся сейчас в РНБ. Это карта восточного полушария с обозначением уделов сыновей Ноя – Сима, Хама, Иафета, карта восточного Средиземноморья в древности, карта Древнего Египта, карта исхода израильтян из Египта, несколько карт Палестины (времен царства Давида и Соломона, времен Иудейского и Израильского царств, эпохи Римского владычества), карта персидской империи, карта империи Александра Македонского²⁸. Как видно уже из это-

²⁸ Жуковский В. А. Таблицы по Священной истории // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 131. Датировать эти материалы следует первой половиной 1851 г. (1851 г. обозначен на картоне 11, но речь может идти только о первой половине этого года: с июля Жуковский заболел воспалением глаза и мог работать только вслепую). См. также более раннюю карту, со-

го перечисления, изложение Священной истории у Жуковского шло в связи с историей всеобщей. Поэтому в число пособий своего курса поэт собирался включить и «исторический атлас древней истории», о работе над которым он упоминает в письмах П. А. Плетневу от 16 (28) октября 1850 г. и 3 (15) января 1851 г. [Плетнев, 1885, с. 679, 690]. Материалы, возможно относящиеся к данному замыслу, также сохранились в РНБ²⁹.

Они представляют собой семь тетрадей большого формата 22 x 35,8 см, заполненных писарским почерком под общим заглавием «Обозрение древней географии для изъяснения таблиц географических». Текст делится на разделы по частям света: «Европа», «Азия», «Африка». Каждый из этих разделов в свою очередь разделен на главы, соответствующие отдельным странам (например, в разделе «Европа» есть главы «Греция», «Италия», «Галлия», «Испания», «Британские острова», «Ретия, Вендемия, Норикум, Панония», «Германия», «Фракия, Иллирия, Мезия», «Европейская Сармация», «Таврический Херсонес»). Для каждой страны дано подробное географическое описание с историческими экскурсами, характеристика плодородности сельскохозяйственных культур. В разделе «Азия» одна из глав посвящена Палестине. Поскольку данные материалы рассчитаны явно не на детей младшего школьного возраста, можно думать, что перед нами учебное пособие, составленное Жуковским в 1830-х гг. для наследника престола, тем более что в статье А. А. Краевского, вышедшей в июне 1836 г., ясно указывается, что поэт в это время готовил к изданию (так и не осуществившемуся) «Атлас Древней истории» [Краевский, 1836, с. 418], в состав которого входили и географические таблицы древнего мира. С другой стороны, упомянутые выше высказывания Жуковского в письмах П. А. Плетневу не менее ясно свидетельствуют, что в 1850 г. он принялся либо переделывать этот атлас, либо составлять его заново.

К 1820-м – 1830-м гг. восходит и еще один мнемонический и наглядный прием, примененный Жуковским в материалах к Живописной Священной истории, – составление хронологических схем и исторических таблиц с помощью специальных знаков. Знаки эти были придуманы Жуковским еще в 1820-е гг. и постоянно использовались им при разработке пособий для наследника престола³⁰. А. А. Краевский считал их главной методической находкой Жуковского, «самым счастливым изобретением», имеющим «неисчислимыя выгоды и для преподавателя, и для ученика, дающим перевес таблицам В. А. Жуковского перед всеми известными» [Там же, с. 433] (т. е. таблицами Лесажа, Ниссена, Кольрауша, Язвинского).

Перечисление и объяснение (на французском языке) этих знаков находится на первом картоне таблиц Жуковского по Священной истории³¹. Всего он использует 70 знаков. Вот значение некоторых из них. Отрезок означает эпоху, точка – знаменательное событие, закрашенный черным цветом квадрат – эпоху, ставшую

ставленную Жуковским для наследника престола: *Жуковский В. А.* Карта древней Палестины // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 129/11. Л. 1. Карта выполнена тушью и акварелью в масштабе 1:350 000 и наклеена на полотно 118 x 91 см.

²⁹ *Жуковский В. А.* Обозрение древней географии для изъяснения таблиц географических // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 112. Рукопись эта представляет собой авторизованную писарскую копию (с некоторыми изменениями и сокращениями) с автографа В. А. Жуковского, также хранящегося в РНБ: *Жуковский В. А.* География в древности // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 111. 155 лл. (см.: [Бычков, 1887, с. 172]).

³⁰ См., напр., их использование в «Хронологических таблицах» по истории древнего мира (*Жуковский В. А.* Хронологические таблицы по древней истории // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 110. Л. 4, 5, 6, 8 и др.). Подробно об этих знаках и мнемонической системе, изобретенной Жуковским, см. в статье Д. Ребеккини [2017].

³¹ *Жуковский В. А.* Таблицы по Священной истории. Л. 1–1 об.

Тот же процесс на новозаветном материале можно проследить в рукописи Жуковского «Мысли о преподавании...». Вот как, например, он конспектирует первую главу Евангелия от Луки³⁴:

{Буква I, увенчанная короной} – З.<ахарія> Е.<лисавета> праведн.<ые> Наро.<дъ> {Изображение ангела} Обѣтъ. Какъ? Я Гавріиль. Нѣмота. Знаки народу. Лк. 1: 5–25. Ангель въ Назаретѣ. Благовѣщеніе. Духъ Святыи найдеть. – Елисавета. Лк. 1: 26–38.

Марія въ градѣ Іудинѣ. – Привѣтствіе Елисаветы. – Величай, душа моя Господа. Лк. <1>: 39–55.

Пребыла до трехъ мѣсяцевъ и возвратилась въ домъ свой. – {Буква I со знаком креста слева} – (3) I – З – З – Ты Младенецъ прор.<окъ Вышняго> нареч.<ешися> уготов.<ати> пути его – {Буква I со стрелкой, направленной от нее вправо} Пуст.<ыня>

{Буква I, увенчанная короной} З E {Изображение ангела} {Квадратная скобка, открытая вправо} Нѣм.<ота> – {Изображение ангела со стоящим перед ним человеком} {Буква H в квадрате с длинной нижней стороной} – {Буква M со стрелкой, направленной от нее вправо} E – Приве.<тствіе> величай, душа моя – {Буква I со знаком креста слева} (3) I – {Буква Z с четырьмя лучами, идущими от нее вверх} {Буква I со стрелкой, направленной от нее вправо} {Изображение гор}.

Основываясь на уже упомянутом объяснении знаков, можно понять, что I с короной здесь означает, по-видимому, царствование Ирода (царя Иудеи), ангел – явление ангела Захарии, H в квадрате – город Назарет, откуда Дева Мария отправляется к Елизавете (что зашифровано буквой M со стрелкой вправо), I со знаком креста – рождение Иисуса Христа, и Иоанна Крестителя, Z с лучами – пророчество Захарии, I со стрелкой вправо и рисунком гор – уход Иоанна Крестителя в пустыню Иудейскую.

Подобным образом Жуковский собирался зашифровать материал на таблицах Священной истории в соответствии с разработанным им планом³⁵. Методика преподавания по этим таблицам была такова: сначала учитель рассказывал материал без таблицы, «изустно», с занимательными подробностями; затем он повторял тот же материал по таблице, переводя слова в образы, потом ученик должен был «рассказывать, припоминая и указывая на буквы и знаки таблицы, все слышанные им факты» [Краевский, 1836, с. 435]. Таким образом достигался тот же эффект, что и в Живописной азбуке, зашифрованной цифрами: наглядность соединялась с «умственной самодеятельностью учащегося» [Там же, с. 430].

Жуковский связывал с составлением курса первоначального домашнего обучения большие надежды, ведь конец 1840-х гг. оказался временем тревожившей его размовки с читающей публикой. Перевод «Одиссеи» не вызвал того интереса, на который рассчитывал Жуковский, том религиозно-философской прозы не только не попал в печать по цензурным причинам, но и, как казалось поэту, был проигнорирован его друзьями. Теперь он рассчитывал на более теплый прием своих педагогических трудов. «Не намерен печатать ничего в прозе, кроме разве моих грамматических таблиц, моей живописной азбуки, моей живописной священной истории, моей мнемонической арифметики, моего исторического атласа

³⁴ См.: Жуковский В. А. Мысли о преподавании... Л. 8. По техническим причинам специальные знаки, используемые Жуковским, не воспроизводятся графически, а поясняются дескриптивно в фигурных скобках (при этом пояснения набираются курсивом); в угловых скобках приводится раскрытие сокращений; ссылки на стихи Евангелия оформлены в соответствии с современной практикой.

³⁵ См. этот план в: [Долгушин, 2015а, с. 66 – 67].

древней истории», – писал он П. А. Плетневу [Плетнев, 1885, с. 690]. К сожалению, этим планам не было суждено осуществиться.

Список литературы

- Бобров С.* Рассвет полночи. Херсонида. Т. 1 / Изд. подгот. В. Л. Коровин. М.: Наука, 2008. 649 с.
- Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887. С. 1–181.
- В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М.: Языки русской культуры, 1999. 726 с.
- Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1896. № 10. С. 13–60.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 15: Переписка. 1848–1852 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 624 с.
- Головнин А. В.* Великий князь Константин Николаевич. СПб.: Д.А.Р.К., 2006. 350 с.
- Дистервег.* Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1956. 375 с.
- Дмитриева М. К. Д.* Фридрих и В. А. Жуковский. Из истории русско-немецких культурных связей // Панорама искусств. 1987. № 10. С. 328–343.
- Добровольская Е. Б.* «Это педагогическая поэма». В. А. Жуковский – воспитатель своих детей // В. А. Жуковский и русская культура: Сб. науч. ст. СПб.: Всероссий. музей им. А. С. Пушкина, 2005. С. 182–195.
- Долгушин Д. В.* Иконическая и словесная репрезентация текста в «Живописной Священной истории» В. А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Вып. 3: Сб. науч. ст. / Отв. ред. М. И. Стрельцова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2015а. С. 57–72.
- Долгушин Д.* Придворный локус и авторефлексия русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015б. N 53. P. 363–375.
- Жуковский В. А.* Сочинения: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 4. 640 с.
- Загарин П.* [Поливанов Л.] В. А. Жуковский и его произведения. 1783–1883. М., 1883. 816 с.
- Иванова Е. В.* В. А. Жуковский – коллекционер и художник // Материалы XII Боголюбовских чтений, Саратов, 29 июня – 1 июля 2010 г. URL: <http://ogis.sgu.ru/ogis/bogo/mat12/mat12-40.html> (дата обращения 05.04.2017).
- Киселев В. С.* Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: Публикация и комментарий // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 3 / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 304–345.
- Краевский А.* Об исторических таблицах В. А. Жуковского // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Июнь. С. 409–436.
- Лобанов В. В.* Библиотека В. А. Жуковского (описание). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 417 с.
- Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века / Под ред. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Моисеевой. Л.: Наука, 1974. С. 184–226.

Нечаева Н. «Картины... как баллады» (Картина «А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, С. И. Тургенев» (1827) работы К. Д. Фридриха) // Наше наследие. 2003. № 65. С. 92–94.

Никонова Н. Е. В. А. Жуковский – современник педагогического века Германии: Немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 87–124.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка: В 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885. 746 с.

Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В. А. Жуковского и их значение // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 3. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 238–257.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.

Уткинский сборник. Т. 1: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М.: Печатня А. С. Снегиревой, 1904. 302 с.

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с англ. А. Е. Майкапара. М.: Крон-пресс, 1996. 656 с.

Dittmar H. Geschichte der Welt: In 4 Bde. Bd. 1. Heidelberg, 1846. 615 S.

La Bible. Traduction de la Vulgate par Le Maistre de Sacy. Ancien Testament. Nouvelle édition, ornée de figures gravées sur acier: En 3 v. Paris, 1834–1836. 1267 p.

Ramsauer J. Die Liebe in Erziehung und Unterricht. Ein Büchlein für Eltern und Lehrer, namentlich für Mütter aus den gebildeten Ständen. Zum Andenken Pestalozzi's und zu seinem hundertjährigen Geburtstage. Elberfeld; Meurs: Verl. der Rheinischen Schulbuchhandlung, 1846. 304 S.

D. V. Dolgushin

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, d_dolgushin@mail.ru

The «pedagogical poem» of V. Zhukovsky (on unpublished materials)

The paper attempts to reconstruct and analyse the Zhukovsky's pedagogical project of the late 1840s – early 1850s, which the poet himself called his «pedagogical poem». This project was based on Zhukovsky's educational materials of the 1820s – 1830s. The aim of the project was the home education of Zhukovsky's children and the children of the Heir to the throne, but in prospect, it was to be addressed to a wider audience. The idea of the project originated in 1845, and the work came in 1851–1852. The methodological basis of the project was the system of Pestalozzi, actualised in the 1840s by Diesterweg. The fundamental principles were the principles of accessibility and clarity. Zhukovsky's «Pedagogical poem» consisted of three sections: arithmetic, Russian language (Pictorial alphabet) and the Picturesque Sacred history. The author examines the Zhukovsky's pedagogical achievements in each of these sections on the basis of archival materials, with many of them being introduced into scientific circulation for the first time. To teach arithmetic Zhukovsky created special tables with which to develop the ability to move from direct perceptions to abstract concepts. The most elaborate and beautifully decorated was his «Picturesque alphabet». It consists of 15 tables of the elementary course of the Russian language, in the extreme columns of which the numerical values of the letters of the Russian, German and French alphabets are given. The letters are grouped so that similar sounds of these languages correspond to the same numbers. The main part of the table consisting of 40 cells is placed in the middle of the cardboard. In each of them, Zhukovsky made a pencil drawing that is encrypted with the numbers in Russian, German, French and Latin. Although this system does not accurately present the spelling, it is certainly useful for learning the words and identifying the alphabet. The main goal was to get acquainted with the Russian alphabet, with German and French acting

as a support. The images deserve special attention: some are illustrative, but the others are allegorical and made under the obvious influence of Caspar David Friedrich's painting. The picturesque sacred history includes notes and chronological tables, made with the forty special marks, invented by Zhukovsky in the 1820s – 1830s; maps of historical geography; Atlas of the ancient world, prints, selected by Zhukovsky from the illustrated edition of the Bible.

Keywords: V. A. Zhukovsky, romanticism, biblical studies, sacred history, education in Russia, Diesterweg, Pestalozzi.

DOI 10.17223/18137083/62/7

References

- Bobrov S. *Rassvet polnochi. Khersonida*. T. 1 [The dawn of midnight. Khersonida. Vol. 1]. V. L. Korovin (Ed.). Moscow, 2008, 649 p.
- Bychkov I. A. Bumagi V. A. Zhukovskogo, postupivshie v Imperatorskuyu Publichnuyu biblioteku v 1884 g. [The papers of VA Zhukovsky, who entered the Imperial Public Library in 1884]. In: *Otchet Imp. Publichnoy biblioteki za 1884 g. Prilozhenie* [Report of the Imp. Public library for 1884. Appendix]. St. Petersburg, 1887, pp. 1–181.
- Disterveg. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical compositions]. Moscow, Uchpedgiz, 1956, 375 p.
- Dittmar H. *Geschichte der Welt: In 4 Bde. Bd I*. Heidelberg, 1846. 615 S.
- Dmitrieva M. K. D. Fridrikh i V. A. Zhukovskiy. Iz istorii russko-nemetskikh kul'turnykh svyazey [C. D. Friedrich and V. A. Zhukovsky. From the history of Russian-German cultural relations]. In: *Panorama iskusstv* [Panorama of the arts]. 1987, no. 10, pp. 328–343.
- Dobrovol'skaya E. B. "Eto pedagogicheskaya poema". V. A. Zhukovskiy – vospitatel' svoikh detey ["This is a pedagogical poem." Zhukovsky – educator of his children]. In: *V. A. Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [V. A. Zhukovsky and Russian culture]. St. Petersburg, 2005, pp. 182–195.
- Dolgushin D. V. Ikonicheskaya i slovesnaya reprezentatsiya teksta v "Zhivopisnoy Svyashchennoy istorii" V. A. Zhukovskogo [Icon and verbal representation of text in Zhukovsky's "Picturesque sacred history"]. In: Strel'tsova V. I. (Ed.). *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiy-skoy kul'tury i obrazovaniya. Vyp. 3*. [Spiritual and moral foundations of Russian culture and education. Iss. 3]. Novosibirsk, NGPU, 2015, pp. 57–72.
- Dolgushin D. Pridvornnyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [The court locus and the autoreflexion of Russian literature of the late XVIII – early XIX century: Mikhail Muraviev, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 2015, no. 53, pp. 363–375.
- Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 17 t. T. 15: Perepiska. 1848–1852* [Complete works and letters: in 17 vols. Vol. 15: Correspondence. 1848–1852]. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev (Ed.). Moscow, 2009, 624 p.
- Golovnin A. V. *Velikiy knyaz' Konstantin Nikolaevich* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. St. Petersburg, 2006, 350 p.
- Gruzinskiy A. E. (Ed.). *Utkinskiy sbornik. Pis'ma V. A. Zhukovskogo, M. A. Moyer i E. A. Protasovoy* [Collection from Utkino. Letters of V. A. Zhukovsky, M. A. Moyer and E. A. Protasova]. Moscow, 1904, 302 p.
- Hall J. *Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve* [Dictionary of subjects and symbols in arts]. Moscow, Kron-press, 1996, 656 p.
- Ivanova E. V. V. A. Zhukovskiy – kollektzioner i khudozhnik [Zhukovsky – collector and artist]. In: *Materialy XII Bogolyubovskikh chteniy (29 iyunya – 1 iyulya 2010 g.)* [Materials of the 12th Bogolyubov readings, Saratov, June 29 – July 1, 2010]. URL: <http://ogis.sgu.ru/ogis/bogo/mat12/mat12-40.html> (accessed 05.04.2017).
- Kiselev V. S. Pis'ma Zhukovskogo k velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu 1850–1852 gg.: publikatsiya i kommentariy [Letters of V. A. Zhukovsky to the Grand Duke Alexander Nikolaevich (1850–1852): publication and commentary]. In: Yanushkevich A. S. (Ed.). *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy. Vyp. 3*. [Zhukovsky: research and materials. Iss. 3]. Tomsk, TGU, 2017, pp. 304–345.
- Kraevskiy A. Ob istoricheskikh tablitsakh V. A. Zhukovskogo [On the historical tables of Zhukovsky]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* 1836, no. 6, pp. 409–436.
- La Bible. Traduction de la Vulgate par Le Maistre de Sacy. Ancien Testament*. Nouvelle édition, ornée de figures gravées sur acier: En 3 v. Paris, 1834–1836, 1267 p.

- Lebedeva O. B., Yanushkevich A. S. (Eds). *V. A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [Zhukovsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, LRC Publ. House, 1999, 726 p.
- Lobanov V. V. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo (opisanie)* [Zhukovsky's library (description)]. Tomsk, TGU, 1981, 417 p.
- Morozov A. A. Emblematika barokko v literature i iskusstve petrovskogo vremeni [The Baroque emblem in the literature and the art of Peter's time]. In: Makogonenko G. P., Moiseyev G. N. (Eds). *XVIII vek. Sb. 9: Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoy chetverti XVIII veka* [18th century. Coll. 9: Problems of literary development in Russia in the first quarter of the 18th century]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 184–226.
- Nechaeva N. "Kartiny... kak ballady" (Kartina "A. I. Turgenev, V. A. Zhukovskiy, S. I. Turgenev" (1827) raboty K. D. Fridrikha) ["Pictures ... like ballads" (Painting "A. I. Turgenev, V. A. Zhukovsky, S. I. Turgenev" by C. D. Friedrich)]. *Nashe nasledie*. 2003, no. 65, pp. 92–94.
- Nikonova N. E. V. A. Zhukovskiy – sovremennik pedagogicheskogo veka Germanii: nemetskaya literatura o vospitanii i tvorcheskije iskaniya poeta 1840–1850-kh gg. [V. A. Zhukovsky – a contemporary of the pedagogical age of Germany: German literature on education and the creative quest of the poet 1840–1850s]. *Imagology and Comparative Studies*. 2014, no. 1, pp. 87–124.
- Pletnev P. A. *Sochineniya i perepiska: V 3 t. T. 3* [Works and correspondence: In 3 vols. Vol. 3]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN. 1885, 746 p.
- Ramsauer J. *Die Liebe in Erziehung und Unterricht. Ein Büchlein für Eltern und Lehrer, namentlich für Mütter aus den gebildeten Ständen. Zum Andenken Pestalozzi's und zu seinem hundertjährigen Geburtstage*. Elberfeld; Meurs: Verl. der Rheinischen Schulbuchhandlung, 1846, 304 p.
- Rebikkini D. Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy V. A. Zhukovskogo i ikh znachenie [The world of symbols: mnemonic tables Zhukovsky and their meaning]. In: Yanushkevich A. S. (Ed.). *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy*. Vyp. 3 [Zhukovsky: research and materials. Iss. 3]. Tomsk, TGU, 2017, pp. 238–257.
- Sazonova L. I. *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary culture of Russia. Early New time]. Moscow, LRC Publ. House, 2006, 896 p.
- Vospominaniya imperatritsy Aleksandry Fedorovny s 1817 po 1820 god. [Memories of the Empress Alexandra Feodorovna from 1817 to 1820]. *Russkaya starina*. 1896, no. 10, pp. 13–60.
- Zagarin P. V. *A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya. 1783–1883* [V. Zhukovsky and his works. 1783–1883]. Moscow, 1883, 816 p.
- Zhukovskiy V. A. *Sochineniya: V 6 t.* [Works: in 6 vols]. Ed. by P. A. Efremov. St. Petersburg, 1885, 640 p.